

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

80 лет Владимиру Петровичу Зинченко

РАССКАЗЫ О ЗИНЧЕНКО

В.А.Лефевр

Все знают, что В.П. Зинченко - выдающийся ученый и мыслитель. Здесь я хочу написать о нем как о человеке.

Рукопись

Март, 1955 год. Я ученик десятого класса обычной московской школы. Теперь я понимаю, что наша школа была привилегированной. Чтобы добежать от школы до Кремля сильному мальчику требовалось четыре с половиной минуты. Со дня смерти Сталина прошло два года. Оттаивают сердца. На моей парте лежит рукописный текст. На обложке написано В.П.Зинченко. Дело было так. Учителем логики был Георгий Петрович Щедровицкий. Нам, его ученикам, казалось, что он знает какую-то глубокую тайну, которая хранится в его туго набитом портфеле. Он запретил нам приносить в школу стандартный учебник логики и на каждом уроке выдавал нам два-три листка написанного им текста. Как-то я рассказал Щедровицкому, что уже два года самостоятельно произвожу психологические эксперименты. Меня интересовала точность, с которой люди могут воспроизводить углы. Я даже открыл синусоидальный закон распределения ошибок, который был открыт в Америке примерно в то же самое время. Внимательно меня выслушав, Георгий Петрович очень отчетливо произнес:

- Я знаком с самым крупным в мире специалистом по психологии восприятия. Я попрошу его написать для тебя текст по интересующим тебя вопросам и указать литературу.

Через неделю Щедровицкий принес мне текст, написанный Зинченко. Так я заочно познакомился с Владимиром Петровичем, одним из самых отзывчивых и доброжелательных людей, которых я знаю.

Минитмен

Прошли годы. Мы с Владимиром Петровичем работаем в “почтовом ящике”, в котором создаются сложные радиоэлектронные системы. Зинченко со своей лабораторией занимается инженерной психологией, а я вместе с В.Е.Лепским, П.В.Барановым и А.Ф.Трудолюбным - рефлексивными системами. Отделом, к которому мы принадлежали, руководил Д.Ю.Панов. Это был очень интеллигентный человек с белым лицом и белыми пальцами.

Шел 1967-й год. Обстановка в мире была зловещей. Советский Союз и США создавали системы ракетных комплексов, направленных друг на друга. В Америке подходила к концу разработка ракетной системы Минитмен. В «Правде» периодически появлялись кровожадные статьи. Однажды нас с Зинченко вызвал к себе Панов. Своими белыми пальцами он выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда папку и раскрыл ее.

- Это схема запуска американских ракет Минитмен.

Мы с Зинченко были потрясены. Дело в том, что схема запуска является наиболее секретной частью всей системы. Если она вдруг попадает к противнику, то хранится под грифом секретности “особой важности”, а не лежит в комнате без специальной охраны.

- Не волнуйтесь, - сказал Панов. - Эта схема не является секретным документом. Это не добыча наших агентов. Американцы опубликовали ее в открытой печати. Вот тут и возникает проблема: зачем американцы опубликовали этот материал?

Панов дал нам копию схемы. Вернувшись к себе, мы начали ее изучать. Оказалось, что на финальном этапе запуска ракету нельзя отправить в небо нажатием одной кнопки. Нужно нажать одновременно на две кнопки, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга. Сделано это для того, чтобы один оператор, нажав на кнопку, не мог добежать до второй кнопки и, убив второго оператора, нажать на нее. Мы пришли к выводу, что американцы хотели показать нам, как бороться с несанкционированным запуском. Своей публикацией они ясно сформулировали эту проблему.

Теперь, прожив в Америке почти сорок лет, я не уверен в правильности нашего вывода. Скорее всего, эта статья была направлена на внутреннюю американскую аудиторию, чтобы показать населению, на что правительство тратит деньги налогоплательщиков и сколь безопасна военная продукция в мирное время.

Девушка и самиздат

В лаборатории Зинченко работала машинистка Аня. Она была худенькой, у нее было прозрачное личико и огромные голубые глаза. Аня носила светлые длинные платья и казалась гостьей, пришедшей к нам из девятнадцатого века. Она была всеобщей любимицей. Работала Аня очень быстро, поэтому у нее оставалось время печатать и “для себя”. А печатала она самиздат. Окружающие это хорошо знали и часто брали у нее самиздатские тексты почитать. Соседней лабораторией руководил человек, которого я назову Иван Иванович. Это был добрый, полный, выпивоха и турист. Его любили сотрудники. Аня иногда печатала материалы и для Ивана Ивановича. Однажды, когда он зашел к ней, Аня протянула ему листок с текстом.

- Смотрите, Иван Иванович, какая прелесть! - воскликнула она. - Это стихи Пастернака из романа “Доктор Живаго”.

- Так-с, - сказал Иван Иванович и вышел из комнаты.

Через пятнадцать минут группа из пяти сотрудников Первого отдела нагрянула в лабораторию Зинченко. Все было перевернуто. Искали рукописи. К счастью, ничего, кроме Пастернака, не обнаружили. Владимир Петрович делал все возможное, чтобы погасить скандал, взять вину на себя и защитить бедную Аню.

Тут необходимо пояснить специфику отношений между органами КГБ и организациями военно-промышленного комплекса. Эти организации в некоторых случаях оказывались сильнее и КГБ, и даже ЦК КПСС. Особенно силен был наш директор Семенихин. Однажды, когда сотрудники института пожаловались ему на утреннюю давку в метро, он добился того, что в окружающих наш институт организациях начало работы было перенесено на более раннее время.

Сотрудники КГБ, входящие в Первый отдел, работали в институте годами. Они, по существу, слились с обычными сотрудниками. Они вместе обедали и ходили друг к другу в гости. Местным сотрудникам КГБ было крайне неприятно проводить обыск “у себя дома” и они решили “сдать” доносчика, Ивана Ивановича, предав его имя гласности.

Через пару недель казалось, что все обошлось. Но это было не так. Однажды мне позвонил приятель, не работавший в нашем институте, и сказал, что срочно хочет меня увидеть. Оказалось, что он в курсе событий, которые происходят в лаборатории Зинченко. Он рассказал, что Иван Иванович был разъярен тем, что его имя было открыто, люди перестали с ним здороваться и отказываются ходить с ним в поход на байдарках. Поэтому Иван Иванович донес в районное отделение КГБ, что в институте проводится враждебная политическая работа, и что институт превратился в подпольную антисоветскую типографию. Я спросил своего приятеля, откуда ему все это известно. Он только засмеялся. Я понял, что должен действовать и немедленно все рассказал Владимиру Петровичу. Через пять минут он был в кабинете Семенихина. Удар по КГБ был нанесен уже следующим утром. Иван Иванович не смог даже войти в здание института, у него был аннулирован и пропуск и допуск к секретной работе.

Финал этой истории демонстрирует уникальный дар Владимира Петровича - умение убеждать. Ведь другого человека директор, возможно, не стал бы и слушать.

Поколение Октября

Мало кто знает, что Владимир Петрович Зинченко спас группу людей от верной тюрьмы. В конце шестидесятых в Москве была

создана лаборатория по исследованию систем. Ее возглавил замечательный ученый-изобретатель Побиск Кузнецов. Слово П-О-Б-И-С-К является сокращением фразы “Поколение Октября Борцов И Строителей Коммунизма”. Родители Побиска, сами того не ведая, дали ему имя трагического поколения. С начала войны - он в армии, командует взводом разведки, ранения; в госпитале спорит с соседом, что коробка передач советского танка плохо сделана, в результате попадает в лагерь; после смерти Сталина реабилитирован. Лаборатория Кузнецова занималась по-настоящему новаторскими проектами. Некоторые из них были связаны с инженерной психологией.

В 1970-м году началась массовая подача документов на эмиграцию в Израиль. С целью запугивания власти решили устроить большое “еврейское дело”. Выбор пал на лабораторию Побиска. Группу его сотрудников-евреев обвинили в хищении средств. Всем близким к лаборатории было ясно, что это дело сфабриковано. Побиск мужественно защищал своих сотрудников. Его арестовали, но потом решили не судить, а вывести из дела как “душевнобольного”. Тут сказались два фактора: во-первых, он не был евреем, а во-вторых, “он уже отсидел ни за что”. По логике органов того времени, можно было отсидеть заранее за еще несовершенное преступление. Некоторые сотрудники лаборатории были арестованы, другие вызывались на допросы и в течение многих месяцев ожидали ареста. Следователи их запугивали, говоря, что есть эксперт, который скоро даст заключение, что вся их работа “липа”, что они получали деньги, не выдавая никакого реального продукта. Одному из подследственных удалось подсмотреть имя эксперта. Им оказался Зинченко. На следующий день в 6 утра я уже входил в квартиру Владимира Петровича.

- Я знаю, зачем ты приехал, - сказал он. - Ты заботишься о моем экспертном заключении по поводу твоих друзей. Можешь не беспокоиться. Я его уже написал. Следователи давили на меня, чтобы отзыв был отрицательным, однако я написал его подчеркнуто положительно. Я не мог поступить иначе, глядя на всю эту вакханалию антисемитизма.

После того как следствие получило заключение Зинченко, допросы прекратились, и большинство подследственных было освобождено.